
Классическая и коммуникативная модели знака в интерпретации парадокса Греллинга – Нельсона. Часть II

© 2022 г. А.В. Вдовиченко

*Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, 115184, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Поступила 01.04.2021

Парадокс К. Греллинга – Л. Нельсона возникает при условии использования автором (авторами) и адресатом (адресатами) классической языковой модели смыслообразования, которая постулирует, что в словосодержащих семиотических процедурах употребляются и понимаются автореферентные знаки (слова), или модули «форма – значение». В рамках коммуникативной модели смыслообразования, напротив, констатируется невозможность автономной референции знака; в качестве единственно возможного объекта референции и понимания в данном коммуникативном акте рассматривается сама попытка опосредованного воздействия (процесс); акциональный («воздейственный») режим сознания семиотического актора признается исключительным источником данного производимого смысла, в том числе «референции знаков». Парадокс рассматривается как последовательность попыток коммуникативных воздействий на мыслимого адресата, который понимает (одобряет или не одобряет) действия автора парадокса на основе оценки его акциональных состояний: на каких объектах автор фокусирует внимание адресата, каковы денотаты, мыслимые автором за «телами» знаков, насколько оправданы устанавливаемые классы, отношения, признаки и пр. Главную уязвимость парадокса предлагается видеть в том, что автор неоправданно признает самостоятельную вне-коммуникативную способность знака (слова) производить воздействия (называть, описывать, иметь собственные свойства), не замечает коммуникативные константы смыслообразования в теоретическом поле, хотя неизбежно пользуется ими. Парадокс элиминируется вместе со снятием классической концепции знака как автономного модуля «форма – значение»).

Ключевые слова: парадокс, антиномия, парадокс Греллинга – Нельсона, смыслообразование, знак, языковая модель, коммуникативная модель, семиотическое воздействие, акциональный режим сознания, референция, изменение внешнего когнитивного состояния.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-2-117-134

Цитирование: *Вдовиченко А.В.* Классическая и коммуникативная модели знака в интерпретации парадокса Греллинга – Нельсона. Часть II // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 117–134.

Classical and Communicative Sign Models in Explanation of the Grelling – Nelson Paradox Part II

© 2022 Andrey V. Vdovichenko

*Institute of Linguistics RAS, 1 b. 1, Bolshoi Kislovskii per., Moscow, 125009, Russian Federation;
Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities,
23b, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Received 01.04.2021

K. Grelling – L. Nelson's paradox arises if the author (authors) and the addressee (addressees) use the classical linguistic model of meaning formation, which postulates that self-referential signs (words), or modules "form – meaning", are employed and understood in word-containing semiotic procedures. The communicative model of meaning formation, on the contrary, states the impossibility of an autonomous reference of a sign, considers an attempt at indirect influence (i.e., process) as the only possible object of reference and understanding in a given communicative act, recognizes the actional ("influential") mode of semiotic actor's consciousness as the exclusive source of the produced "meaning", including of sign reference. The paradox is viewed as a sequence of attempts at communicative influences on a conceivable addressee who understands (approves or disapproves) the actions of the author of the paradox by considering his "influential" cognitive states: on which objects the author focuses the addressee's attention, what are the denotations hidden by the author behind the "bodies" of signs, how justified the established classes, relationships, links, etc. The main vulnerability of the paradox is proposed to be seen in the fact that the author unjustifiably recognizes the independent out-of-communicative ability of a sign (word) to produce influences (to name, to describe, to have its own properties), does not notice the communicative constants of meaning formation in the theoretical field, although inevitably uses them practically. The paradox is eliminated together with the removal of the classical concept of a sign as an autonomous module "form – meaning".

Keywords: Paradox, antinomy, Grelling – Nelson's paradox, meaning formation, sign, language model, communicative model, semiotic influence, actional mode of consciousness, reference, altering (transforming) an external cognitive state.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-2-117-134

Citation: Vdovichenko, Andrey V. (2022) "Classical and Communicative Sign Models in Explanation of the Grelling – Nelson Paradox. Part II", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2022), pp. 117–134.

Продолжение. Начало см.: [Вдовиченко 2021].

Дальнейшие действия автора

Несмотря на концептуальный коллапс области «дано», парадокс в своем полном составе интересен прямолинейным классическим взглядом на вербальный материал и тем, к чему это ведет. Проследим, как разворачиваются дальнейшие шаги инструкции по заведению доверчивого адресата в когнитивный тупик.

Итак, добившись от адресата согласия на «два непересекающихся класса слов» методом внушения (то есть воспользовавшись авторитетом «реального положения дел» и классической, безальтернативной на тот момент, концепцией знака), автор парадокса сам же ставит под сомнение однозначность только что нарисованной дихотомичной картины. Он ставит вопрос: к какому из двух обозначенных классов слов принадлежит «до сих пор не определенное» слово «гетерологичное»?

В этот момент становится ясным, что именно это слово само не свидетельствует о принадлежности к какому-то из классов, не называет ясно ни свой собственный, ни чужой признак, а требует дополнительных выяснений. Заметим, что такая интерпретация семантики слова более реалистична, чем констатация его самозначности: так обстоит дело с любым словом, не вовлеченным в осознанное кем-то коммуникативное воздействие («слова – не жетоны»). С этого момента автор парадокса откровенно эксплуатирует подлинное коммуникативные константы – *смыслообразование, исходящее от коммуникативного актора, нетождественность тел знаков, назначение фокусов внимания и элементов множеств, мыслимость акциональной семантики* и пр. Можно сказать, что в дальнейшем, потерпев ранее неудачу в теоретическом поле (что засвидетельствовано при попытках изложить область «условий»), автор парадокса обращается к коммуникативной практике, чем окончательно дезавуирует классическую некоммуникативную концепцию знака.

Чтобы пояснить, что происходит далее в парадоксе Греллинга – Нельсона с точки зрения коммуникативной модели, можно воспользоваться упрощенным случаем, тоже своего рода парадоксом.

«Одно слово»

(С) Представим, что семиотический актер задает адресату вопрос, при том что адресат заранее согласился на него ответить: «‘Одно слово’ – это одно слово или два слова?» Если адресат в качестве ответа избирает вариант «Одно слово», то манипулирующий его сознанием актер не согласится: «Нет, ‘одно слово’ – это два слова: [одно] и [слово]. Это очевидно». Если адресат избирает вариант «Два слова», то актер, настойчивый в своем желании подвесить когнитивную систему адресата, скажет: «Нет, ‘одно слово’ – это ‘одно слово’. Нет ничего более очевидного». И с тем, и с другим утверждением невозможно не согласиться.

Если адресат не предпримет усилий по объяснению того, что происходит, он должен ощутить себя в когнитивном тупике: «одно слово» не является ни одним, ни двумя словами. Или, наоборот, является одновременно и одним словом, и двумя словами. Дизъюнктивная форма вопроса, который был задан актером, предполагает обязательный выбор какой-то одной из двух возможностей, другие объяснения, согласно оговоренным условиям, не принимаются, и при этом вводимая дизъюнкция не бессмысленна, поскольку «одно слово» и «два слова» – заведомо разные понятия и разные наборы знаков. Но сделать этот простой выбор по каким-то причинам не получается, и можно, кажется, констатировать когнитивный тупик.

Заметно, что в этом простом случае, как и в других, настоящих, парадоксах, когнитивный тупик возникает в результате последовательных воздействий, или коммуникативных шагов семиотического актора: в данном случае он задает вопросы и требует ответов в узком диапазоне возможностей, добиваясь от адресата признания «явного противоречия, выведенного из весьма правдоподобных предположений целью бесспорных на вид рассуждений». О смыслообразовании можно говорить только как о процедуре, инициированной и реализуемой семиотическим актером, в ходе которой состояние сознания адресата – не без участия самого адресата – претерпевает изменения. Воздействие происходит в любом семиотическом акте, но не во всех актах наступает когнитивный тупик. Что же в данном случае предпринято автором?

В этом организованном взаимодействии актер (автор парадокса) рассматривает, как кажется, *единый объект* (в данном случае «одно слово»; ср. «множество всех

собственных множеств» в антиномии Рассела) в созданных условиях (на которые согласился адресат), а адресат (наблюдатель) одобряет производимые шаги и постепенно исполняет инструкцию по тому, как, в каких связях и отношениях мыслить данный единый объект. Однако в эпизоде с «одним словом» можно отчетливо наблюдать, как, *при сохранении единой формы знака, происходят подмены мыслимого в нем денотата*. Единая форма знака и различно мыслимые в нем объекты оказываются факторами наступающего когнитивного тупика, создаваемого автором парадокса.

Так, предъявляя суждение «одно слово – это два слова», автор, бесспорно, имеет в фокусе внимания единый объект интерпретации «одно слово», но обращает внимание актора на *двусоставность формы* этого объекта, на два элемента в составе данного единства. В том же смысле можно было бы сказать, что «одно слово – это девять букв», или «одно слово – это числительное и существительное», или «одно слово – это девять звуков», или даже «одно слово – это семь звуков» (поскольку в этом фонетическом комплексе имеется две пары одинаковых звуков [адно слова]) и пр. В каждом из этих суждений автор упрощенного парадокса был бы прав, но в таких случаях предикаты высказываний не имели бы элемент «слово», провоцирующий сознание адресата на финальную путаницу. Для искомого запутывания адресата автору необходим предикат «два слова», непременно без уточнения «два *фонетических слова*».

Наоборот, предъявляя суждение «одно слово – это одно слово», автор, столь же бесспорно, имеет в фокусе своего внимания тот же объект интерпретации «одно слово», но обращает внимание адресата на *монолитность и целостность* физического объекта, который при точном графическом или акустическом воспроизведении (повторении) всегда остается одним и тем же. В том же смысле можно сказать «дом – это дом», «Сократ – это Сократ», «бежать – это бежать», «пкдт – это пкдт» и пр.

Оба утверждения (об одном и двух словах) верны, но они верны *по отношению к различным мыслимым за телом знака денотатам*, различие которых автор парадокса скрывает (маскирует) под *единой вывеской* (телом знака) «одно слово». Как видно, здесь автору парадокса и приходит на помощь классическая «модульная» концепция знака (еще, правда, рассеянность адресата, который не склонен замечать, что все эти манипуляции производит семиотический актер, а не положение дел в мире): единый объект интерпретации «одно слово» сразу воспринимается как знак (единство означающего и означаемого); единая форма как будто не может иметь за собой разные содержания, тем более в рамках одной и той же последовательности предложений (вернее, производимых действий) актора. Всякий раз видя единую вывеску «одно слово», доверчивый адресат должен полагать, что исследует вместе с автором парадокса единый объект. Этот объект – на самом деле не единый – в итоге приобретает два взаимоисключающих, при этом верных, определения. Он оказывается и тем, и другим одновременно, или, наоборот, ни тем, ни другим одновременно. На простой вопрос, поставленный в начале («Одно слово – это одно слово или два слова?») ответить не получается. Адресат обнаруживает себя в когнитивном тупике, семиотический актер (автор парадокса) достигает своей коммуникативной цели.

Нужно заметить, что в коммуникативном, а не языковом представлении «одно слово», возникшее перед адресатом, – это еще не знак, а всего лишь *объект интерпретации*. Знаком он может стать только благодаря актору, который производит *конкретную референцию*, превращая вербальное клише в знак, то есть назначая объекту то, что понимается в семиотической процедуре. Единое тело «одно слово» может скрывать различные «обозначаемые», в зависимости от когнитивного состояния актора – источника смысла и предела интерпретации. Различные обозначаемые могут приобретать различные предикаты, которые в итоге, из-за реального различия подлежащих, будут противоречить друг другу. Именно это свойство естественного семиозиса эксплуатирует автор упрощенного парадокса.

В парадоксе Греллинга – Нельсона работают те же коммуникативные константы: *смыслообразование, исходящее от коммуникативного актора, нетождественность*

«знаков», назначение фокусов внимания и элементов множеств, мыслимость акциональной семантики.

Семиотический объект

Согласившись на то, что слово само способно что-то называть, иметь свойства и пр., адресат уже попадает в когнитивную ловушку, добровольно-принудительно помещается в начало лабиринта, в котором ему предстоит побродить и не обнаружить выхода. Автор парадокса делает вид (или сам в это верит), что действуют сами слова, составляющие множества (классы) вследствие присущих им свойств (в расселовском парадоксе подобная процедура предпринимается по отношению к множествам, которые обладают элементами, вступают в какие-то отношения, сами себя охватывают или не охватывают и пр., в то время как создание множеств в семиотическом поле воздействий есть заведомо субъектная процедура, производимая семиотическим актором с целью эффективного изменения внешнего когнитивного состояния; отношения между множествами в семиотическом пространстве тоже возникают только благодаря действиям актора).

Рассчитывать на самозначность слова (или на объективное независимое от сознания существование множества) – все равно что спрашивать у отрезка, на какие части он делится. Ясно, что отрезок сам не делится ни на какие части (и даже, заметим, сам не выделяется из гомогенной панорамы мира, если над его выделением не потрудились конкретное сознание). Идентифицировать его как объект и затем разделить может только обладатель сознания в своих интересах, в том числе он может посчитать отрезок неделимым, когда, например, видит в нем «единство», «целый отрезок». Однако адресат, согласившись по умолчанию на исследование самозначных слов (прилагательных), уже вступил в лабиринт, имея на руках подписанный и обязывающий договор о том, что отрезок сам существует и сам же делится на имеющиеся в нем части: «некоторые прилагательные обладают тем самым свойством, которые они называют, другие не обладают», «прилагательные либо описывают себя, либо нет».

Далее актору остается продемонстрировать адресату на практике, что все не так просто (а это действительно так). Не обращая внимания на то, что, самим фактом сомнения в том, гетерологичное ли прилагательное 'гетерологичное', он тем самым свидетельствует против самозначности слова, актер настаивает на том, чтобы адресат приписал это слово (прилагательное) к одному из классов (в то время как само деление на классы было неэффективным и ошибочным, не вызывающим одобрения, см. выше): он ставит вопрос, к какой из двух групп относится само прилагательное «гетерологичный». Иными словами: «гетерологичное» – это гетерологичное или автологичное (прилагательное)? (ср. «одно слово – это одно слово или два слова?»; «множество всех собственных (не являющихся собственными элементами) множеств – это собственное множество или несобственное множество?»).

Заметим, что в актуальном контексте (то есть в структуре осознанного воздействия) данное прилагательное уже вполне эффективно работало, как это делает любое слово в руках актуально действующего семиотического актора. Никаких вопросов о том, что именует данное прилагательное – себя или нечто иное (например, класс прилагательных), не возникало – оно «именовало» то, что хотел именовать (вовлечь в свое воздействие) коммуникативный актер. Так, автор парадокса ранее пояснил, какой класс слов «называется гетерологичным». Адресат, не вдаваясь в подробности, согласился, что пользоваться этим словом можно для называния слов, «которые сами не называют себя». Проблемы начинаются только при рассмотрении слова самого по себе за пределами авторского семиотического действия, выяснения его свойств (которых в действительности нет без акциональной процедуры семиозиса, и все попытки приписать ему собственное значение рано или поздно сталкиваются с семантической вариативностью и неоднозначностью). Иначе говоря, пока от самого отрезка не требуется ответа на вопрос, на какие части он делится, актер может производить процедуры

деления в собственных интересах, не заботясь о мнении отрезка. Их можно даже совсем не производить, если нет необходимости.

Но автор парадокса стоит на позициях классической знаковости, или, по крайней мере, делает вид. Значит, он должен добиться чего-то от самого слова-знака (поскольку считает, что означают что-то сами слова), то есть выявить в самом отрезке внутренние основания предстоящего разделения его на части.

На самом деле, единственное определенное, что есть у автора (кроме, конечно, внутренней коммуникативной задачи подвесить сознание внешнего адресата), – это знаковое тело, объект интерпретации, который можно использовать в качестве вывески, как в случае с «одним словом» (то же – слово «множество» в парадоксе Рассела, за которым английский математик скрывает то «мыслимое единство», то «мыслимую множественность», «составленность из элементов»; подробнее см.: [Вдовиченко 2020³]). Поскольку слова не падают в сознание, как жетоны определенной формы и веса, автор парадокса не может, назвав слово, рассчитывать на его автоматизированное понимание адресатом (не может воспользоваться *остенсивным* способом предъявления значения в слове). Когнитивная призма «работает» с когнитивными состояниями, а при простом «внеконтекстуальном» назывании слова, ввиду недостаточного числа параметров воздействия, состояние сознания актора не идентифицируется в достаточной мере. Для адресата объект интерпретации в момент простого называния «слова» остается «не подключенным» (или «недостаточно подключенным») к конкретному источнику смыслообразования. Поэтому выяснение членства слова «гетерологичный» (вернее, выяснение одного из его «свойств», с точки зрения автора) *ex necessitate* проясняется в коммуникативных воздействиях, подлинных объектах понимания. Автору парадокса *приходится* производить смыслообразование не словами, а семиотическими актами (попытками вызвать изменения внешнего когнитивного состояния). При этом цель его остается прежней – запутать адресата (тем более что якобы-искомые *собственные* свойства самого слова ‘гетерологичный’, как уже ясно, в принципе не установимы).

Вопросы и ответы о слове

Итак, на заданный вопрос (по сути дизъюнктивный – «либо гетерологичное, либо автологичное», в соответствии с ранее внушенной договоренностью):

(1b) автор предлагает адресату рассмотреть первый вариант ответа: прилагательное ‘гетерологичное’ – это автологичное слово (прилагательное), – и сразу помогает ему отвергнуть это предположение, поясняя: если оно автологичное, оно обладает свойством, которое само обозначает, и должно быть гетерологичным. Это противоречие, напоминает актер;

(2b) вслед за тем, предлагая адресату второй вариант ответа («прилагательное ‘гетерологичное’ – это гетерологичное слово») в узком созданном диапазоне двух возможностей, автор с той же готовностью спешит на помощь адресату, чтобы отвергнуть и это предположение: если оно гетерологичное, оно не имеет обозначаемого им свойства и должно быть автологичным. Это тоже противоречие, снова замечает актер.

Внимание к деталям в каждом из этих случаев (1b и 2b) только увеличивает ощущение шаткости и неопределенности оснований, на которых возникает противоречие.

Так, прилагательные «пятисложное», «черное» или «синее» в дихотомический системе, созданной актором, имеют в своем формальном составе (в «теле знака») «четкие» признаки, на которых можно было бы построить нужный автору парадокса семиотический ряд (поэтому они и приводятся в качестве наглядных представителей классов): «пятисложное» – пять слогов по значению, пять слогов по форме (пя-ти-сло-жно-е); «черное» – черное по значению, черное по форме; синее по значению – не синее по форме, и т.д. В отличие от них, «тело» знака «гетерологичное» не дает достаточно твердых поводов для построения убедительных формально-смысловых корреляций в организованной автором

игре «автологичное – гетерологичное»: в его формальном составе нельзя найти то, что с определенностью «укажет» на «значение», в отличие, например, от прилагательного «круглый», в графической форме которого сразу и определенно нельзя найти округлости (поэтому прилагательное «круглое» – точно не-автологичное, значит, гетерологичное).

Однако, несмотря на отсутствие строгих маркеров, вопрос о принадлежности к одному из классов все же ставится, что означает, что автор парадокса видит для прилагательного «гетерологичное» возможность быть автологичным или гетерологичным. Поэтому «гетерологичное» (скажем в шутку, на время подчиняясь логике автора парадокса), скорее, принадлежит к третьему, не оговоренному изначально, классу прилагательных – «неяснологичных», «криптологичных». Так, с той же легкостью, с какой определяется автологичность слова «пятисложное» и гетерологичность слова «синее», по отношению к словам «третьего класса» поступить нельзя: «нежное» – неясно, нежное это слово или грубое по формальным (фонетическим, графическим и пр.) свойствам (в конце концов, вопрос вкуса); «красивый» – неясно, красивое это слово или не очень; «протяженное» – неясно, достаточно ли протяженное данное «знаковое тело», или не достаточно, и бывает и подлиннее; «смешной» – неясно, смешит ли это слово или нет, и пр. Ничего очевидного и бесспорного у таких прилагательных, в отличие от «синего» или «пятисложного», нет. (Заметим, что два класса вводились автором парадокса на основании «четких» критериев, но, оказывается, никакой четкости нет: во многих случаях распределение – дело вкуса, опыта, субъективной оценки и пр.) Прилагательное «гетерологичный» вполне могло бы принадлежать к тому же недостаточно определенному классу, что и «нежный», «красивый» и пр.

К тому же сами физические (формальные) свойства «тела» прилагательного, которые, по мысли автора парадокса, составляют твердую основу принадлежности к одному из двух классов, – слишком странный и подозрительный (временами даже смехотворный) критерий, поскольку для прилагательного вводятся, таким образом, физические понятия длины, высоты, запаха, вкуса, цвета, температуры, твердости, местоположения и пр. Прилагательное, согласно этим рассуждениям, может не только состоять из пяти слогов, но и быть длинным, приплюснутым, вкусным (если изготовлено из мармелада), горячим (если выложено из раскаленных металлических букв), подводным (если погружено в воду) и пр.

Здесь возникает, в свою очередь, вопрос о том, что такое «прилагательное» и есть ли у него вообще автономное от «значения» физическое тело (так, прилагательное «полный» как толстый и «полный» как заполненный без остатка – это разные прилагательные или одно и то же? Если все-таки разные, то форма сама по себе никакого значения не имеет и не может рассматриваться отдельно от значения. Прилагательные «полный»-1 и «полный»-2 – разные прилагательные, несмотря на очевидно единое физическое тело. Поэтому «тело» прилагательного – это, скорее, «труп прилагательного», но не настоящее слово; необходимое «значение» может появиться в нем только в семиотическом действии, в котором данный семиотический объект «подключен» к конкретному когнитивному состоянию).

Кроме того, следует иметь в виду, что естественной и первичной формой существования «тел» любых вербальных данных является фонетическая форма, в которой в принципе нет цвета, температуры, веса, букв, местоположения, запаха и пр. Графическая форма, на которую во многом опирается автор парадокса, глубоко вторична и условна. Она не воссоздается сознанием коммуникантов в режиме естественного говорения. В таком случае автологичными следовало бы считать только такие прилагательные, которые «обозначают» звук – «громкий» (если это слово громко крикнуть), «тихий», «пронзительный» и пр. Но поскольку в семиотическом пространстве все проходит через когнитивную призму и неизбежно становится мыслимым, какой бы то ни было материальный субстрат, из которого «изготовлено» прилагательное или в котором оно пребывает и пр., нужно признать как минимум фактором, ослабляющим конструкцию парадокса на всех этапах, в том числе тогда, когда автор рассуждает о приписывании прилагательного «гетерологичный» к одному из двух классов.

Заметим, что адресат, пытающийся разобраться в нагроможденных автором противоречиях, даже не выходя за пределы классической знаковости, мог бы, вероятно, сделать в условиях этой расплывчатой системы координат («в мутной воде») прямо противоположные выводы:

(1bb) «Вы, уважаемый автор парадокса, говорите: если прилагательное “гетерологичное” – автологичное, оно обладает свойством, которое само обозначает, и должно быть “гетерологичным”. Но позвольте, по Вашей же логике, если прилагательное автологичное, то оно называет собственное свойство. Прилагательное, называющее собственное свойство, – автологичное, а не гетерологичное. Значит, “гетерологичное” – автологичное прилагательное, а не гетерологичное, как Вы утверждаете. Ведь прилагательное “гетерологичное” называет свойство “гетерологичности”, значит, оно автологичное! Никакого противоречия: если прилагательное “гетерологичное” – автологичное, то оно автологичное.

(2bb) Похожим образом и с другим предположением. Вы говорите: если оно гетерологичное, оно не имеет обозначаемого им свойства и должно быть автологичным. Но позвольте, прилагательное, не имеющее обозначаемого им свойства, – гетерологичное, а не автологичное, как Вы говорите. Прилагательное “гетерологичное” не имеет обозначаемого им свойства (в отличие, например, от прилагательного “пятисложное”, которое в форме среднего и женского рода именительного падежа с очевидностью имеет обозначаемое им свойство), “гетерологичное” просто называет какое-то свойство (как прилагательное “круглое” называет свойство округлости, не будучи само круглым). Поэтому никакого противоречия нет: если прилагательное “гетерологичное” – гетерологичное, то оно гетерологичное.

Так что и то, и другое предположение ни к каким противоречиям не ведут. Задавая вопрос, Вы тем самым допускаете, что прилагательное “гетерологичное” может принадлежать к классу автологичных слов или гетерологичных. В этой размытой системе координат, лишенной четких определителей гетеро- и автологичности, оба предположения имеют право на существование, но к противоречиям они не ведут».

«Автономное» значение прилагательного

Но автор парадокса не склонен вдаваться в неудобные детали (нечеткость определителей классов и самих классов, сомнительные длина, высота, глубина, цвет, запах и вкус «тел» прилагательных, «третий класс прилагательных», первичность фонетической и условность графической формы, невозможность видеть только в «теле» прилагательного само прилагательное). Он уже убедил адресата в возможности разделить все слова на два «непересекающихся» класса и продолжает преследовать свою коммуникативную цель – «подвесить» сознание адресата. В двух доводящих до противоречия последовательностях рассуждений (1b и 2b, см. выше) он снова обнаруживает (обнажает) ахиллесову пяту парадокса, считая при этом, что действует вполне оправданно и убедительно в глазах адресата, как и ранее: он явно и скрыто признает, что в констатируемом (объективном) «положении дел» *прилагательное действует самостоятельно – что-то само обозначает, называет, описывает, передает, имеет свойство.*

В рассуждениях 1b и 2b видно, как сам автор парадокса направляет «самостоятельное действие» прилагательного «гетерологичное» то в одну, то в другую сторону: это прилагательное, по воле автора, *то указывает на себя, описывает себя, обозначает то, что оно обозначает (поскольку, с точки зрения автора, оно имеет собственную форму и значение «гетерологичное», и другим быть не может ни по форме, ни по значению), то не указывает на себя, не описывает себя (поскольку в значении «гетерологичное», по условиям, навязанным автором ранее, содержится значение «не указывающее на себя»).* «Гетерологичный», таким образом, одновременно *обладает* каким-то собственным свойством (имеет форму и значение «гетерологичное»), и *не обладает* собственным свойством (имеет значение «не обладающее собственным свойством», «гетерологичное»).

Так, совершить логический переход от утверждения «‘гетерологичное’ описывает себя» к создающему противоречие утверждению «‘гетерологичное’ есть гетерологичное» (см. 1b) можно только при условии, что прилагательное «гетерологичное» по-прежнему *указывает на себя, описывает себя, предъясняет себя* (оно ведь само «гетерологичное», подразумевает автор: описывать себя, значит, быть прилагательным «гетерологичное»). Наоборот, совершить логический переход от утверждения «‘гетерологичное’ не описывает себя» к создающему противоречие утверждению «‘гетерологичное’ не является гетерологичным» (см. 2b) можно только при условии, что прилагательное «гетерологичное» *не описывает себя* (ведь в значении прилагательного «гетерологичное», по условиям, навязанным автором ранее, содержится значение «не описывающее себя»). Здесь не описывать себя, значит, не быть «не описывающим себя», то есть не быть гетерологичным).

В результате автор парадокса производит те же манипуляции, что и в приведенном ранее упрощенном парадоксе «одно слово» (С; см. выше): в нужный момент, когда адресат готов признать какой-то определенный вариант ответа, автор парадокса «включает» нужное ему «собственное» свойство данного прилагательного, противоречащее ответу, только что полученному от адресата (вернее, смоделированному за него), – *либо свойство «описывать себя»* (то есть свойство «иметь свою форму (и слитое с ней, как он считает, какое-то значение)»; для данного прилагательного описывать себя – значит быть прилагательным «гетерологичное»), *либо свойство «не описывать себя»* (то есть «не указывать на свое свойство»; для данного прилагательного, как следует из области «дано», указание не на себя содержится в его собственном значении «указывающий не на себя»). Единая форма («вывеска») «гетерологичное», передающая собственное лексическое значение (указывающая собой на себя), с одной стороны, и указывающая на значение «не описывающее себя», с другой, предоставляет автору парадокса возможность подменять денотаты за ширмой и вести адресата к искомому запутывающему финалу: тот обнаруживает, что оно не автологичное и не гетерологичное, *что* эффектнее звучит следующим образом: адресат обнаруживает «к своему ужасу, что прилагательное ‘гетерологическое’ гетерологическое в том и только в том случае, если оно не гетерологическое» [Френкель, Бар-Хиллел 1966, 22]. Такая формулировка еще более соответствует жанру парадокса, в финале которого должно присутствовать строгое противоречие «*А есть не А*».

Другие «автономные» слова

Для верификации сказанного (вернее, для искомого одобрения коммуникативных шагов, предпринятых автором настоящей статьи) проведем проверку, принимая условия игры, предложенной автором парадокса. Оставим в стороне слово «гетерологичный» и посмотрим, как «действуют» другие «автономные» слова.

Прилагательное «пятисложное» – согласно условиям парадокса, сформулированным в области «условий», заведомо автологичное. Может ли оно называть признак (свойство) не только свой, но и чей-то еще, какого-то другого «тела»? Может. Например, «пятисложное существительное». *Соответственно, автологичное слово может означать не свое собственное свойство, оно может быть гетерологичным* (заметим, что в искусственно созданных условиях парадокса способность конкретного прилагательного описывать что-то одно – либо свое свойство, либо чужое (принадлежащее другому «телу») свойство – вводилось автором как главное условие существования «непересекающихся» классов).

Наоборот, прилагательное «круглое» – согласно условиям парадокса, заведомо гетерологичное. Может ли оно «описывать» не только что-то иное, но и самое себя? Может. При назывании прилагательного «круглое» какое-то неопределенное значение («что-то свое» для данного прилагательного) возникает в сознании коммуниканта (хотя не всякого и не всегда, но такие «детали», согласно автору парадокса, опускаются). Кроме того, «круглое» обладает собственным телом, является прилагательным «круглое», указывает

само на себя. Прилагательное «круглое», согласно внутренней логике автора парадокса, в этот момент описывает себя, имеет свое значение, называет свое свойство. *Соответственно, гетерологичное слово может описывать себя, оно может быть автологичным.*

Ясно, что прилагательное «гетерологичный» «ведет себя» точно так же, как и остальные слова: автономное слово (в том числе прилагательное) не может осуществлять собственное действие, демонстрировать собственное поведение, самостоятельно производить референцию. Означивает что-то не само слово (прилагательное), а семиотический актор. Находя нужные ему объекты референции, он может фиксировать внимание только на предметной форме «гетерологичное», или на сочетании формы и значения, или на значении, представленном формой, или на другом слове, обладающем данным признаком (так, в оппозиции [прилагательное «гетерологическое» vs гетерологическое существительное] в первом случае семиотический объект [гетерологическое] исполняет, скорее, роль автологичного слова, называя себя и описывая себя, а во втором случае – роль гетерологичного слова, называя свойство другого объекта; ср. «одно слово»). Во всех этих случаях объекты, скрывающиеся за телом «гетерологичное», будут разные, и каждый из них будет давать актору различные возможности предсказания. Как и во всех остальных случаях, понимать можно только авторский процесс референции, и, наоборот, внепроцессуальное, внекоммуникативное (поэтому пустое) «тело знака» *понимать невозможно.*

Важно при этом, что автор парадокса, будучи семиотическим актором, и производя по собственному усмотрению и в созданных для себя условиях смыслообразующую референцию, ассоциируя объект интерпретации «гетерологичное» либо с «телом» прилагательного, либо с его ранее оговоренным значением «гетерологичное» (ср. упрощенный парадокс «одно слово»), – *скрывает* (а возможно, и сам *искренне не замечает*) свою собственную роль в «поведении прилагательного», прячась – вольно или невольно – за мнимую формально-содержательную автономность слова, «классический знак». Как демонстрирует сам парадокс (последовательность личных семиотических действий), его автор *де-факто* только и делает, что совершает попытки опосредованных воздействий – назначает объекты, фокусирует внимание, выстраивает связи, задает вопросы, производит подмены различных понятий, скрывающихся за единой вывеской «гетерологичное», и пр. В свою очередь, семиотический объект «гетерологичное» в организованной коммуникативной процедуре послушно играет отведенную ему роль автологического и/или гетерологического слова, повинувшись плану автора завести адресата в когнитивный тупик.

Нужно заметить, что ловушка, в которую *volens nolens* попал сам автор парадокса и в которую он всеми силами заманивал доверчивого адресата, грозит любому стороннику классической внепроцессуальной знаковости, на любом уровне теории и практики коммуникации. Так, классический языковой знак (мнимый модуль «форма – значение», обладающий якобы собственными свойствами) становится главным средством создания тупика, в котором оказывается адресат (и, вероятно, сам автор) *другого парадокса*, известной антиномии Б. Рассела: мнимо самозначный знак «множество» дает автору антиномии возможность скрывать за ним то множественность, то единство, производить подмены множеств на основе единого знакового тела «множество», включать в рассматриваемое «множество» то одно, то другое число элементов («множество»), представлять множество включающим и/или не включающим себя в качестве элемента – и при этом приписывать собственные коммуникативные воздействия «поведению» («свойствам») самого множества (объективному логическому положению дел); в то время как «множество», как и любой смыслообразующий знак, не существует вне конкретной когнитивной и коммуникативной процедуры (личной референции и воздействия), за пределами которой невозможно даже ответить на вопрос: «множество» – это *множество* или *единство* элементов («некоторое количество элементов» или «один сет»; ср. определение множества Кантора как «мыслимого единства», а также понятие «пустое множество», а также, например, вопрос стоиков о слове-понятии

«хор»)? В естественной коммуникативной процедуре множества (в своем составе и объеме) неизбежно создаются семиотическим актором и не могут иметь в данном семиотическом воздействии независимое от данного актора существование, в том числе не могут сами включать и/или не включать себя в качестве элемента.

Снятие парадокса

Парадокс Греллинга – Нельсона, таким образом, элиминируется вместе с классической внепроцессуальной концепцией знака, которая в значительной мере послужила тому, что производимые коммуникативные воздействия автора парадокса оказываются неприемлемыми для адресата (не одобренными адресатом). Навязываемая автором инструкция по заходу в когнитивный тупик обнаруживает слишком много изъянов и вызывает недоверие. На основе «отражательного» и «модульного» понимания «знака» (слова), автор парадокса вводит необоснованные критерии разделения на множества («классы слов») и, как следствие, недостоверные (псевдо-непересекающиеся) классы; не видит собственной роли в создании значений, формировании объектов, множеств, отношений и связей в коммуникативном воздействии; производит подмены мыслимых объектов, скрывая их различие за единой знаковой (вербальной) формой; приписывает знаку (слову) способность к автономной референции; опирается на предметные элементы знакового процесса, видя в них модули «форма-значение», и пр.

В общем смысле главной уязвимостью парадокса нужно признать то, что в нем полностью *отсутствует акциональное понимание смыслообразования в семиозисе* («смысл знакового поступка – в планируемом изменении внешней когниции»). Наоборот, присутствие такого понимания, в конечном счете, сделало бы парадокс изначально невозможным, подобно большинству парадоксов, которые снимаются при введении *принципа коммуникативной (акциональной) определенности*, взамен неопределенности (нетождественности, бессмысленности) автономного «знака» и «языка».

При этом независимо от решения вопроса Грайса, поступал ли автор искренне (искренне ошибался) или наоборот [Grice 1975, 41–58], – в любом случае целевой причиной формулируемого парадокса было планируемое им воздействие, изменение когнитивного состояния мыслимого адресата – иначе он, как и любой коммуникант, не стал бы брать на себя труд реализовывать многошаговую семиотическую процедуру. Поэтому анализ его словосодержащих воздействий и соответствующее внимание к режимам его сознания, стоящим за знаками и определяющим «знаки» в каждый отдельный момент воздействия, вполне оправданы со стороны адресата, искренне желающего понять автора парадокса.

Методологические замечания

Следует отметить, что сам факт существования парадоксов (в том числе Греллинга – Нельсона) свидетельствует о своеобразном *торжестве коммуникации над логикой*. В копилку позитивистского знания (в сферу признанных фактов, «объективного отражения реальности», новых законов и пр.) парадокс не привносит ничего: никакого приемлемого суждения о правильном членстве прилагательного «гетерологичное» автор парадокса так и не сформулировал; классы слов, выделенные на основе странного критерия, весьма подозрительны и бесполезны; введенные понятия и термины не применимы за пределами самого парадокса.

Зато в сфере коммуникации данный парадокс – как и все прочие парадоксы, апории, антиномии, софизмы – стяжал заметный успех. Секрет этого успеха – в занимательности коммуникативного события, организованного автором. В возможности прокатиться на этом аттракционе каждый добровольный участник (адресат парадокса, наблюдатель, тем более сам автор) видит свой интерес. При этом нельзя отрицать, что эта возможность возникает только вследствие акционального (коммуникативного) семиозиса, в котором производятся и интерпретируются попытки опосредованных

воздействий, направленных на изменение внешнего когнитивного статуса. Смыслом парадокса оказывается *сам процесс* производимого семиотического воздействия, попытка заблокировать когнитивный процесс адресата путем «бесспорных на вид рассуждений», а не точное логическое суждение.

Кроме того, свидетельством «торжества» коммуникации можно считать и то, что при внимательном рассмотрении становится очевидным: в успешном логическом парадоксе «работает» не строгая логика, а подлинно *коммуникативные константы* – субъектный принцип формирования значения, авторская референция, создание множеств, нетождественность знака, психические механизмы смыслообразования как мыслимого воздействия, понимание как одобрение поведения и пр. Как продемонстрировал автор парадокса, логическую строгость зачастую можно вольно или невольно потеснить ради исполнения поставленных коммуникативных задач (например, использовать пересекающиеся классы как непересекающиеся, вкладывать различные понятия в единое знаковое тело, ставить неуместные вопросы и на них отвечать).

В итоге парадокс оказывается не интеллектуальным упражнением, казусом мысли, логической загадкой, но прежде всего – опытом спланированного и постепенно реализуемого семиотического (коммуникативного) воздействия. Соответственно, способы его верификации и снятия закономерно полагаются в сфере акционального (коммуникативного) семиозиса.

Так, обнаружить причину ключевой aberrации автора парадокса можно только в психическом (когнитивно-эмоциональном) и коммуникативном поле. Уверенность в *формально-семантическом единстве лингвистического знака* (понимание слова как модуля «форма – значение») следует из простой и очевидной (спонтанной) констатации: слово (произнесенное или написанное) даже при максимальном абстрагировании от параметров конкретного семиотического процесса («лишнего контекста») в большинстве случаев (правда, не во всех) *вызывает в сознании «носителя языка» какие-то ассоциации*. Сознание очевидным образом реагирует на «тело знака», порождая ответ, который трактуется как «значение» данного «тела». Учитывая к тому же, что «речь состоит из понимаемых слов», носитель с готовностью признает, что речь строится из модулей «форма – значение» и что «в речи произносятся и понимаются языковые единицы (слова), имеющие значение». Так возникает один из основных некорректных постулатов лингвистической теории, которому автор парадокса решил довериться и построить на этом свое парадоксообразующее рассуждение.

(Заметим, что дальнейшие шаги теории, выстроенной на презумпции самозначного слова, носят характер насильственного помещения смыслового контента в прокрустово ложе слова: не соответствуя в естественном семиозисе принятым условиям автономности и смысло-формальной определенности, оно становится «многозначным», «меняет значение в зависимости от контекста», обрастает «индивидуальными коннотациями», «эволюционирует в диахронии», «приобретает и теряет семантические доли», впадает в «авторские употребления» – и в целом ведет волшебную самостоятельную жизнь, не расставаясь при этом с «закрепленным за ним (содержащимся в нем) значением»; кроме того, оно становится единицей «языка» – системы, составленной из таких же «самостоятельных» слов.)

Однако в появлении ассоциаций, вызываемых словом, нет того волшебства, которое вводит спонтанной предметной (модульной, словоориентированной, классической) моделью вербального знака. Ассоциации, зачастую переживаемые обладателем сознания («носителем» или «не-носителем языка») – всего лишь его индивидуальные, далеко не всеобщие, *представления об актуальных коммуникативных (воз)действиях*, произведенных с вовлечением данного фонетического (графического) комплекса, или лично известные ему коммуникативно-синтаксические эпизоды использования данного объекта («слова») в семиотических взаимодействиях (или коммуникативные «контексты», которые известны «носителю» в гораздо большем объеме, чем иностранцу). Даже при изолированном восприятии «слова» его понимание адресатом остается коммуникативно-синтаксическим, извлеченным из актуальных взаимодействий. Большая

или меньшая типологичность (варьируемая распространенность среди «носителей» и «неносителей») интересует его только по мере возможности произвести *новое эффективное* (нужное ему) *воздействие* на данную аудиторию – настоящий объект его интереса как семиотического актора. Свои «воспоминания» он может использовать, соразмерив с возможностями мыслимой аудитории, для новых демонстраций своих акциональных состояний при попытках собственных опосредованных воздействий (актуальном говорении/письме). При этом источником планируемых изменений всегда остается индивидуальное сознание (а не личный набор содержащихся в сознании клише), в том числе в таких воздействиях, которые вовсе не содержат вербальных знаков, когда для изменения статуса постороннего сознания используются, вместо вербальных, иные семиотические каналы (жесты, пиктограммы, звукоподражания, остенсивы, выражения лица и пр.), всегда, впрочем, комбинируемые. Для актора единственным искомым является возможность передать свое акциональное состояние в помысленном тождестве, поэтому слова могут заменяться («это», «такой», «он»), быть «неточными», «разными», «новыми», «замененными на жесты», «ошибочными», «не всегда понятными» и пр. Если когнитивное состояние актора понятно по совокупности параметров, слова или иные знаки могут быть вовсе не нужны, опущены, не договорены и даже перепутаны, но все равно «поняты», поскольку понимаются в конечном счете не они. И наоборот, самые «простые слова» могут быть совершенно непонятными без воссоздания когнитивного состояния актора и производимой им референции (например, «он для него этого не делал»).

Так, слово «гетерологичное» не вызывает никаких определенных ассоциаций у громадного большинства «русскоязычных» коммуникантов. Это слово не может само заявить о себе, быть самозначным, иметь значение. Только после инструкций автора парадокса данный представитель коммуникативного коллектива, который вступил в общение с автором парадокса, переживает первый опыт вовлечения данного слова в коммуникативное взаимодействие, подобно первому детскому опыту усвоения фонетических комплексов в соответствующих ситуациях коммуникативных интеракций. Нельзя утверждать, что данное слово «существует в русском языке» (по крайней мере, громадное большинство «носителей» этого языка не подозревают о существовании прилагательного «гетерологичный»). Однако оно вполне эффективно работает в данных условиях коммуникации, и этого достаточно для исполнения задачи, интересующей автора парадокса, – акционального смыслообразования.

Парадокс делает очевидным, что *область условий парадокса сформирована*. Она не существует без авторской процедуры деления всех слов на два класса по введенному (несколько странному) критерию (ср. [пятисложное] – [пятисложный] (ср. нем. 'dreisilbig' и 'dreisilbige'), первое автологичное, второе гетерологичное). Именно это изобретение дает автору возможность впоследствии сделать несколько шагов, приводящих, с его точки зрения, в тупик. Во всех парадоксах именно эта созданная реальность, маскируемая под несомненное «положение дел», обеспечивает ключевые условия для дальнейшего попадания в когнитивную ловушку. Согласие адресата на введенные (мнимо-существующие) условия – наиболее ответственная стадия взаимодействия автора и адресата. Но она, как правило, не предлагается к обсуждению, а принимается по умолчанию как «положение дел» (ср.: «Все множества можно разделить на собственные и несобственные»). При этом на каждом этапе (в том числе в области «данно») адресат тестирует не положение дел и не слова, а деятельность семиотического актора, как в случае с любым актуальным (не языковым, а коммуникативным) высказыванием (ср. высказывание «Сейчас глубокая ночь», см. выше), и другими, в том числе предметными несемиотическими, действиями. В когнитивный тупик доверчивого адресата заводит не «положение дел», а действия автора парадокса.

В связи с действиями автора, следует отметить также *нетождественность* «знака», который, до «подключения» к сознанию актора, выступает как «семиотический объект», не вовлеченный в смыслообразование. Ему только предстоит обрести смысл в процедуре воздействия, а потом – в процедуре интерпретации, которая состоит

в воссоздании какого-то конкретного когнитивного состояния актора в момент воздействия (где добросовестным интерпретатором определяется авторская референция, ценности, точки зрения, фокусы внимания и пр.). Автор парадокса пользуется свойством нетождественности знакового «тела», помещая в него различные денотаты и скрывая реальные различия под единой формой (например, [тело прилагательного] и [ранее оговоренное «значение» прилагательного] в едином «знаке» [гетерологичное]; [прилагательное, описывающее себя], и [прилагательное, описывающее иное «тело»] в едином «знаке» [гетерологичное], ср. [прилагательное «гетерологичное»] и [гетерологичное существительное]). Он стремится довести адресата до противоречивой формулы: «гетерологическое» является гетерологическим тогда и только тогда, когда оно негетерологическое. Почему бы и нет? Так, например, вполне допустимо сказать, что «белое является черным» (чем не парадокс?!), – если при этом фокус внимания актора направлен на «тело» прилагательного «белое», изображенное черным цветом. При тех же условиях верной будет и другая формула: белое является не белым (А есть не А). Как видно, в обоих случаях (прилагательными «гетерологичное» и «белое») сознанию адресата не следует слагать с себя полномочия, признавая когнитивный тупик, а нужно всего лишь оценить поведение коммуниканта – разобраться в когнитивном режиме актора, который так поступил («сказал это»). Он мог шутить, ошибаться, «констатировать истину», намеренно обманывать, иметь в виду доступные ему объекты и пр. Одобрение или неодобрение со стороны адресата последует только при условии доступа (воссоздания) его когнитивного статуса в данный момент, вне которого семиотический объект «белое» (или «гетерологичное», и все остальные, а также высказывание «белое не есть белое» и пр.) не гарантирует смыслового тождества.

Ясно, что подмены и прочие коммуникативные операции производит сам автор парадокса, но ответить за происходящее он призывает реальность и якобы существующие в ней странности.

Так, автор другого парадокса (апории делимости) изображает любой путь (отрезок *AB*) бесконечно делимым, из чего следует вывод, что движение невозможно («движения нет»): проходя все время половину от оставшегося пути, достигнуть конца пути не получится. Как в этом, так и во всех остальных случаях, увидеть в парадоксе семиотического актора – значит заручиться шансом элиминировать парадокс: *деление* – это личная когнитивная операция, которую можно производить (если она кому-то необходима), но можно ее и не производить (если кому-то это кажется более целесообразным, например, путешественнику, который следует из пункта *A* в пункт *B*). Автор парадокса, постулируя самостоятельную бесконечную делимость отрезка, заставляет адресата этим заняться. Но тот, обладая собственным рассуждением, совсем не обязан одобрить это требование и подчиняться его диктату. Вместо деления – бесконечного для Зенона (а он имеет целью изменить статус сознания адресата) и бессмысленного для путешественника (а ему нужно просто попасть из *A* в *B*) – в отрезке (пути) можно видеть единый неделимый объект, вполне доступный и преодолимый, то есть рассматривать отрезок не как множество виртуальных точек и частей, а как единый объект. Доказательством правоты путешественника, де-факто отстаивающего свободу когнитивных и коммуникативных процедур, будет то, что во время его прогулки из *A* в *B* сам отрезок (путь) так и не начнет «бесконечно делиться», предлагая путешественнику все новые бесчисленные точки для достижения.

Парадокс Греллинга – Нельсона, как, впрочем, и остальные «семантические» парадоксы, вольно или невольно акцентируют тенденцию к абстрагированию от коммуникативного актора. В этом логический подход вступает в альянс с классическим лингвистическим: совместно они используют самозначные «знаки» и «язык», объективное положение дел, собственные свойства объектов, отношений, признаков и пр. Нарративный модус (претензия на констатацию положения дел, отражение реальности) маскирует роль актора, чем достигается большая убедительность создаваемого нарратива.

В условиях симулированной объективности *категория воздействия*, последовательно интегрированная в понимание знаковой процедуры, значительно проясняет ситуацию, ставит все на свои места. Если целевой причиной (смыслом) любого семиозиса является планируемая попытка опосредованного изменения внешнего когнитивного состояния (по другим причинам семиотический актор не утруждает себя организацией знакосодержащего события), то все «объекты, отношения, признаки и пр.» являются более или менее определенными *отсылками к акциональному («воздейственному») режиму сознания данного семиотического актора* (которое является единственным «семантическим» источником данной попытки воздействия). Благодаря опосредованности семиозиса, результат производимого воздействия не наступает независимо от интерпретатора. Демонстративное действие семиотического актора констатируется адресатом/наблюдателем как несомненная реальность, которую нельзя отрицать. Параметры данной попытки воздействия, в том числе произнесенные слова (вербальные клише), открывают добросовестному интерпретатору возможность доступа к искомым акциональным состояниям актора (референции, ценностям, эмоциям и пр.), в которых локализуется единственная твердая почва «значения знаков» и всей процедуры. Личный внутренний план воздействия (замысел эффекта) составляет последний предел смыслообразования, который можно обнаружить в данном семиотическом поступке.

Так, критянин Эпименид, сказавший «Все критяне лжецы», замыслил ровно то, чего хотел добиться данным воздействием (в состав которого входят данные слова). Произнося их, он мог говорить «суровую правду», лгать, шутить, насмехаться, иронизировать, оскорблять, отвечать на вопрос, говорить аффективно и пр. Значение данного коммуникативного воздействия (в состав которого входит «высказывание» «Все критяне лжецы») было, несомненно, локализовано в сознании Эпименида, хотя для воссоздания его когнитивного состояния интерпретатор, по-видимому, никогда не располагал и сейчас не располагает достаточными параметрами: где, когда, кому, в связи с чем, с каким выражением лица, в ответ на что и пр. были сказаны «эти слова» и произведено обрамляющее их семиотическое воздействие. Но самому Эпимениду и аутентичному адресату все это было известно и понятно. Свое критское происхождение (необходимое условие возникновения парадокса) он мог совсем не иметь в виду, когда произносил это «утверждение», или мог не считать себя критянином, или обращаться в тот момент к собеседнику, который заведомо не знал о его критском происхождении, или он мог подшучивать над собой как критянином, говоря «все они лжецы», и пр. В конце концов, если даже он лжец, то лжец не всегда лжет, зачастую он говорит правду, как, может быть, и в этот раз. В свою очередь, оператор «все» всегда «означает» ровно столько, сколько мыслит сам актор, в том числе «все, за исключением меня», или «все мне известные», или «все, которых я сейчас вижу», или даже «не все» (в аффективном выражении) и пр. Естественно, сам Эпименид понимал то, что он делает: как и любого коммуниканта, его интересовало помысленное воздействие, попытку которого он совершал. Почти с уверенностью можно сказать, что сам он не собирался вводить адресата в когнитивный тупик (хоть, впрочем, это также могло быть «значением» данного «высказывания», но даже если так, то тоже исходило от актора).

Однако некто, предположительно Эмбулид, решил изготовить из этого эпизода семиотический аттракцион. Он признал слова «Все критяне лжецы» самозначными (не спрашивая Эпименида об их значении и смысле), попытался проверить «слова» на истинность или ложность (хотя сами слова, в том числе «утверждения», не могут быть ни истинными, ни ложными; только личные воздействия могут быть одобренными или нет, ср. «сейчас глубокая ночь»), представил факт критского происхождения Эпименида как непреложное условие понимания данного высказывания, намеренно минимизировал количество параметров, необходимых для интерпретации данного коммуникативного воздействия, признал де-факто, что сам Эпименид не понимал, о чем говорит. Все эти манипуляции автора парадокса не отвечают реальности аутентичного семиотического действия, представляют собой недобросовестную ин-

терпретацию данного эпизода, являются «незаконными» в коммуникативной модели семиозиса. Видимость законности этим манипуляциям придала (придает) внепроцессуальная внесубъектная («несправедливая») классическая модель «знака» и «языка», постулирующая автономное «значение», абстрагирование от подлинного источника любого смыслообразования (индивидуального сознания актора).

В итоге лжецом в «парадоксе лжеца» выступает, скорее, сам автор парадокса. Его поведение вдвойне коварно, поскольку помимо использования неадекватной (несправедливой) не-коммуникативной модели семиозиса в качестве творческого метода (концептуального основания) своего успеха он добивается как раз в коммуникативной реальности: его семиотический трюк, так и не увенчавшийся логическим вердиктом «истинно/ложно», имеет длительную историю обсуждения («катания на аттракционе») и вследствие этого должен быть признан, скорее, эффективным семиотическим воздействием.

Впрочем, чтобы не дискредитировать акциональный семиозис, личное достижение Эвбулида нельзя, наконец, не поставить под сомнение путем обнаружения внутренних механизмов его парадоксообразующего воздействия.

Похожие манипуляции проделал и автор интересующего нас парадокса. Рассчитывая на самозначность «знака», он рассуждает о свойствах прилагательного «гетерологичное» в созданных условиях, как бы забывая, что и прилагательное, и сам путь в когнитивный тупик суть назначенные им элементы коммуникативной процедуры, смыслом которой является не констатация реальности (зачем ее дублировать, если она и без того есть?), а личное воздействие, поступок с предполагаемым результатом. Парадоксальность семиотического поступка возникает не в области «положения вещей», а в области, которая задается когнитивным состоянием и коммуникативным действием автора парадокса, то есть в психологической области взаимодействия сознаний актора и адресата (наблюдателя), или области коммуникативного смыслообразования. Детерминированная и самообусловленная «природа вещей», со своей стороны, не обнаруживает никакой противоречивости до введения авторской системы координат, авторского когнитивного состояния и «намекающего» на это состояние семиотического действия, которое, в отличие от несуществующей «ничейной» знаковой структуры, адресат (наблюдатель) может оценивать, в том числе «верифицировать».

Без актора ничто не возникает на семиотическом горизонте (может быть, где-то еще, но только не в личном коммуникативном воздействии). Так, заметим в шутку, если актора нет рядом, слову «гетерологичное» совсем не обязательно быть прилагательным. Оно само может оказаться и существительным, ведь само «существительное» тоже может обернуться прилагательным, и даже, страшно сказать, краткая форма прилагательного «гетерологичное» может превратиться в наречие («гетерологично»). При такой смысло-формальной чехарде (отчасти реализованной в парадоксе Греллинга – Нельсона) новые парадоксы могут сыпаться, как из рога изобилия: прилагательное – это существительное, существительное – это прилагательное, прилагательное – черное, черное – это наречие (признак действия, например, черная неблагодарность), наречие – это существительное, глагол – это тоже существительное, всё – существительное, всё – прилагательное и пр. Такими «разносторонними свойствами автономного знака», в дополнении к семантическим «особенностям», не может не воспользоваться коммуникант, желающий показать доверчивому адресату несколько фокусов. Как видно, в завершение шутки, «гетерологичное», как и любое «слово», не только не способно прилагаться к чему-то самостоятельному, без «прилагающего», но даже не может быть собственно прилагательным без семиотического актора.

Заключение

В итоге заметим, что неизбежный пересмотр концепции классического «знака» и «языка», необходимость которого подтверждается, в частности, анализом парадокса Греллинга – Нельсона, переводит рассуждение о смыслообразовании знакового (в том числе словосодержащего) процесса в несколько иное измерение:

– Основополагающее для коммуникативной модели понятие *семиотического (воз)действия*, применимое к любому знаковому процессу, в том числе к парадоксу, несовместимо с категориями истинного и ложного (поскольку демонстративно производимую попытку воздействия нельзя отрицать, какой бы она ни была содержательно – констатацией, вопросом, предположением, шуткой и пр.).

– Классические законы логики оказываются *неприменимыми* (не вполне применимыми) к реалиям коммуникативного пространства, то есть к попыткам опосредованных воздействий (так, закон исключенного третьего де-факто не работает уже в самих парадоксах: в отношении свойств прилагательного «исключаются» (признаются неприемлемыми) строгие суждения «да» и «нет», но «третье», состоящее в изменении когнитивного статуса адресата (каузированное недоумение адресата), как раз достигается и остается; «третье» не только не «исключается», но составляет целевую причину всей коммуникативной процедуры парадокса, состоящей из пошаговых воздействий, как, впрочем, и любых других семиотических процедур).

– Твердая почва *семантики любого «знака»* обнаруживается не в его предметном (материальном) теле, а в «непредметном» (незнаковом) когнитивном состоянии актора (поскольку производимая актором референция, многоканальная и многофакторная, направлена только на *мыслимые им* объекты, признаки, свойства, связи и пр., с целью опосредованного изменения посторонней когниции, путем искренней или симулируемой демонстрации собственного «воздейственного» когнитивного состояния).

– Семиотический объект (условно выделенное «тело знака») *не обладает формально-семантическим тождеством* вне конкретной семиотической процедуры. *Новизна*, преследуемая актором в совершаемом семиотическом поступке, возникает не из общих «знаков» (в том числе «слов языка»), а вследствие планируемых и достигаемых изменений внешней когниции. Искомое обновленного статуса постороннего сознания, с точки зрения актора, еще не существует на момент планируемого семиотического воздействия.

– Единственным действующим началом любой семиотической процедуры выступает *семиотический актер* (говорящий, изображающий, жестикулирующий, демонстрирующий и пр.), действующий всегда многоканально и многофакторно. Его присутствие маркируется не «указателями на автора в тексте» (см., например, мнение Э. Бенвениста: [Бенвенист 1974, 293]), а самим «знаковым» составом, представляющим собой очевидный «след» производимой попытки семиотического воздействия. Замысел воздействия устанавливается – с различным успехом – на основе разнообразных доступных параметров воздействия (в том числе «тел» знаков, клише), открывающих для добросовестного интерпретатора возможность воссоздать акциональное когнитивное состояние действующего коммуниканта.

– В семиозисе порождается и понимается *процесс воздействия* (на основе акционального когнитивного состояния актора, обладающего *диапазоном свободы* в определении фокусов внимания, множеств мыслимых объектов, их отношений, свойств и пр. для эффективного воздействия), а не статичные детерминированные объекты («значения знаков», «положение дел», «природа вещей» и пр.): конкретный коммуникативный акт представляет собой попытку *вызвать изменения*, которые не содержатся в самих статичных «знаках» и объектах производимой референции. В этом *условно-аристотелевский «мир существования» принципиально не соответствует «воздейственной» динамической реальности коммуникативного пространства*. В «мире акционального семиозиса» преследуются и достигаются *изменения мыслимого*, на фоне которых статичное «отражение реальности» (дублирование реальности, «констатация истинности или ложности», «выражение/отражение мысли», «подражание существующему», «передача информации» и пр.) выглядит занятием, бессмысленным для семиотического актора.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Под ред., с вступ. статьей и комм. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс 1974 (Benveniste, Émile, *Problèmes de linguistique générale*, Russian Translation).

Френкель, Бар-Хиллел 1966 – *Френкель А., Бар-Хиллел И.* Основания теории множеств / Пер. с англ. Ю.А. Гастева под ред. А.С. Есенина-Вольпина. М.: Мир, 1966 (Fraenkel, Abraham, Bar-Hillel, Yehoshua, *Einleitung in die Mengenlehre*, Russian Translation).

Grelling, Kurt, Nelson, Leonard (1908) “Bemerkungen zu den Paradoxien von Russell und Burali-Forti”, *Abhandlungen der Friesschen Schule II*, S. 301–334.

Ссылки – References in Russian

Вдовиченко 2020^{а-в} – *Вдовиченко А.В.* Смыслообразование в логических парадоксах: принцип коммуникативной определенности. Часть I // Вопросы философии. 2020^а. № 2. С. 71–85; Часть II // Вопросы философии. 2020^б. № 3. С. 107–118; Часть III // Вопросы философии. 2020^в. № 4. С. 143–160.

Вдовиченко 2021 – *Вдовиченко А.В.* Классическая и коммуникативная модели знака в интерпретации парадокса Греллинга – Нельсона. Часть I // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 108–122.

References

Grice, Paul (1975) “Logic and Conversation”, Cole, Peter, Morgan, Jerry, eds., *Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts*, Academic Press, New York, pp. 41–58.

Vdovichenko, Andrey V. (2020) “Sense generating process in logic paradoxes: the principle of communicative certainty”, Part I, *Voprosy filosofii*, Vol. 2, pp. 71–85; Part II, *Voprosy filosofii*, Vol. 3, 107–118; Part III, *Voprosy filosofii*, Vol. 4, pp. 143–160 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2021) “Classical and Communicative Sign Models in Explanation of the Grelling – Nelson Paradox. Part I”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8, pp. 108–122.

Сведения об авторе

ВДОВИЧЕНКО Андрей Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретической лингвистики Института языкознания РАН, профессор кафедры теории и истории языка филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Author’s Information

VDOVICHENKO Andrey V. – DSc in Philology, lead researcher, Institute of Linguistics, Russian academy of sciences; professor, the department of the history and the theory of language, Orthodox St. Tikhon University for Humanities.